не мѣшаетъ то, что видимый мнѣ центръ силы исчезъ изъ моихъ глазъ. Если я ищу разумнаго пониманія жизни, то удовольствуюсь знаніемъ, что все, чѣмъ живу, сложилось изъ жизни людей, жившихъ прежде меня и давно умершихъ, и что, поэтому, каждый, кто исполнилъ законъ жизни, подчинилъ свою животную личность разуму и проявилъ силу любви, жилъ и живетъ въ другихъ людяхъ, по прекращеніи своего тѣлеснаго существованія. Сознавая это, я становлюсь свободенъ отъ мученій, которыя заставляетъ испытывать нелѣпое и ужасное суевѣріе смерти.

Человѣкъ познаетъ, что не умретъ, только тогда, когда познаетъ, что не рождался, а всегда былъ, есть и будетъ. Онъ повѣритъ въ свое безсмертіе только тогда, когда признаетъ, что его жизнь не есть волна, а вѣчное движеніе, которое въ земномъ существованіи проявляется только волной.

Наблюденіе надъ собой и другими людьми показываетъ, что отношеніе къ міру, степень любви въ каждомъ изъ насъ не начались съ этою жизнью, а внесены нами въ жизнь изъ прошедшаго, скрытаго отъ насъ плотскимъ рожденіемъ. Мы видимъ также, что все теченіе нашей жизни есть только непрестанное усиленіе нашей любви. Оно не прекращается никогда, но только заслоняется отъ насъ тѣлесною смертью.

Наблюдая тѣлесное существованіе другихъ людей, я вижу, что одна жизнь какъ будто длиннѣе, другая—короче; одна проявляется раньше и дольше остается видимой, другая проявляется позже и скоро опять скрывается отъ меня.

Зачѣмъ же одни проходятъ быстро, а другіе медленно? Намъ кажется, что иной умираетъ въ полномъ расцвѣтѣ душевной работы, которая могла бы быть хорошо додѣлана здѣсь. Но это только кажется: человѣкъ умираетъ именно тогда, когда это необходимо для его блага; онъ растетъ и мужаетъ только въ томъ случаѣ, если это нужно для его блага. Человѣкъ умираетъ вовсе не отъ болѣзни легкихъ, рака или выстрѣла, а отъ того, что въ этомъ мірѣ благо его истинной жизни уже не можетъ увеличиться. Мой разумъ свидѣтельствуетъ неопровержимо, что эта жизнь началась не съ рожденіемъ, а была и существуетъ всегда. Онъ показываетъ, что благо этой жизни, возрастая, увеличиваясь, достигаетъ предѣловъ, которые уже не могутъ содержать его, и тогда человѣкъ переходитъ въ другое существованіе.

Страданія, говоритъ Толстой, уничтожаютъ, повидимому, ра-